

Методология и теория психологии

ЭВОЛЮЦИОННОЕ ОБРЕТЕНИЕ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ОБНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКОВ, ЗАБОТ И ПРАКТИК

© Розов Н.С.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук
(ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия,
nrozov@gmail.com

Модель социально-символической детерминации психики применена для объяснения подъема гоминид и ранних сапиенсов по ступеням глоттогенеза и ноогенеза — происхождения, ранней эволюции языка и сознания. Каждый подъем трактуется как обретение особых речевых и когнитивных способностей — частей практик, появившихся для обеспечения новых забот. Реконструкция ведется на основе концептов и постулатов модели: «способности из практик», «практики из вызовов и забот», «вызовы и заботы из обновления социальных порядков и техноприродных ниш», «обновление порядков и ниш из практик, обеспеченных новыми способностями». На уровне ультрамикроскопических (в ситуациях «здесь и сейчас») указанные процессы реализовались через механизмы интерактивных ритуалов, интериоризации, положительного и отрицательного подкрепления проб (поведенческий отбор). На более высоких уровнях действовали другие типы отбора: индивидуальный половой, межгрупповой, межвидовой.

Ключевые слова: речевые способности, когнитивные способности, глоттогенез, ноогенез, коммуникативные заботы, интерактивный ритуал, интериоризация, установка, сознание, структура «Я», воля, социальный порядок, социоприродная ниша

Главная трудность палеопсихологии и подход к ее преодолению

Труднейшим препятствием для психологического изучения ранней эволюции человеческого сознания является полное отсутствие прямых данных о психике и коммуникации гоминид. Научная психология выделилась из философии (начиная с первой лаборатории В. Вундта) и получила свою идентичность, законную автономию, прежде всего, как опытная, экспериментальная наука. Если нельзя проводить наблюдения и эксперименты, то любые рассуждения о психике предков человека представляются в этом плане сугубо умозрительными, выходящими за рамки «настоящей» — положительной науки.

Понимание этого реального и серьезного ограничения никак не отменяет значимости эволюционной природы устройства человеческой психики. В последние десятилетия происходит бурный рост полноценных научных исследований происхождения языка (глоттогенеза) [1; 8; 10; 11; 14; 15; 20] притом что (прото) вербальная активность гоминид не оставила никаких прямых следов, равно как их психические процессы.

Палеоантропологи и палеолингвисты используют косвенные данные, которые крайне многообразны: орудия, костные останки, следы стоянок, захоронения, изобразительная деятельность, палеогенетика, палеоклиматология, эксперименты с шимпанзе и бонобо, этнографические сведения об охотниках-собирателях. Также активно используются аналогии и проводятся

эксперименты с детьми, осваивающими родной язык, с взрослыми, которые обучаются второму языку, со страдающими разными формами афазии. Испытуемых заставляют общаться посредством незнакомых слов или символов, проводятся даже эксперименты с коммуницирующими между собой роботами, развивается компьютерное моделирование [8, с. 44-47].

Вообще говоря, указанные эмпирические сферы отнюдь не являются чужими и чуждыми для современной психологии, а это значит, что изучение ранней эволюции психики и сознания (палеопсихология) вовсе не обречено на пустое фантазирование. Данное направление способно не только воспользоваться существенными идеями и результатами исследований глоттогенеза, но и со своей стороны сделать немалый вклад для продвижения в общей тематике когнитивной эволюции, ментального и культурного аспектов антропогенеза.

Современные парадигмы глоттогенеза и ноогенеза

Упорядочим крайне пестрое разнообразие концепций происхождения языка и сознания как тяготеющих к трем парадигмам, ядро которых составляют следующие представления.

- *Континуалистская биологизаторская парадигма* [6; 11; 19]. Здесь не признается «языковой Рубикон», отличающий человеческий язык от коммуникативных систем животных. Есть многообразие черт «языков животных», среди которых обнаружены аналоги свойств человеческого языка. Сознание будто бы тоже есть у животных, по крайней мере у высших, поэтому разница с человеческим сознанием только количественная. Все эти различия постепенно сокращались благодаря случайным мутациям и естественному отбору. Никакого выхода за пределы биологических закономерностей не требуется.

- *Сальтационистская когнитивистская парадигма* (Н. Хомский, ранние работы Д. Бикертона [8, с. 10, 255]), напротив, исходит из принципиальности и эволюционной непреодолимости языкового Рубикона, а также границы

между психикой животных и сознанием, разумом человека. Какие-то катастрофы (неизвестные мутации или их серии) привели гоминид к разумности и только затем к языку для обеспечения разума. Здесь объяснения ведутся на основе знаний о человеческих речевых и когнитивных способностях, кардинально отличных от любых аналогов в мире животных.

- *Многоступенчатая эосоциальная парадигма* [1; 8; 10; 14; 17; 20]. Признаются «языковой Рубикон» и уникальность человеческого сознания. Этот разрыв с коммуникативными системами и психикой животных преодолевается через последовательность ступеней и многоуровневый отбор.

Выбираем в качестве наиболее перспективной третью парадигму, положения которой соответствуют принципам зон ближайшего эволюционного развития и отсутствия больших эволюционных разрывов [9]. Вообще для разных форм эволюции характерно перемежение формативных периодов с ускоренным развитием (подъемов на новую ступень), относительно спокойных периодов распространения новых структур, накопления напряжений и потенциальных ингредиентов (пологий рост на каждой ступени), кризисов с бурными процессами поиска и складывания новых разнообразных форм (отбор самых успешных ведет к новому подъему) [8, с. 37-40].

Спираль эволюции и подход к реконструкции ноогенеза

Развитие способностей и установок сознания (ноогенез) предполагается тесно сопряженным, взаимообусловленным с развитием речевых способностей и языка (глоттогенезом) [14; 15; 16]. Эти процессы были включены в охватывавшие циклы эволюционной спирали антропогенеза, которую представим таким образом.

В результате практик по обеспечению базовых потребностей, надстроенных над ними забот [9] происходило обновление техноприродных ниш и социальных порядков. Издержки практик и напряжения в новых нишах и порядках приводили к новым вызовам, заботам, про-
бам, складыванию новых обеспечивающих

структур, включавших новые практики. Так запущался новый цикл на следующем витке спирали [8; 14].

В процессах социализации и инкультурации, через интерактивные ритуалы отбирались и закреплялись новые способности и установки как необходимые составляющие практик. Формировались и сохранялись в поколениях соответствующие задатки через генетическую наследственность. Новые задатки на новых витках спирали предоставляли новые возможности ответных практик на вызовы, а значит для новых способностей и установок (механизмы генно-культурной коэволюции и культурного драйва) [7; 8, с. 25-31; 15; 17].

Согласно принципу интериоризации, каждый раз общая групповая способность, обретаемая в непосредственном общении, предшествовала индивидуальной способности, а реактивная, вызванная ситуацией или групповым поведением способность предшествовала произвольной способности в ситуации общения [3; 4]. Позже всего появились способности индивидов произвольно производить действия в своем сознании, т.е. целенаправленно размышлять в одиночестве («ритуалы третьего порядка») [13].

Будет также учитываться многоуровневый отбор – совокупность эволюционных процессов, приводящих к сохранению одних и отсеиванию других структур в разных временных масштабах и на разных онтологических уровнях [18].

Так, в речевых практиках, интерактивных ритуалах и их цепочках получают одобрение, сохраняются одни языковые структуры, типы действий, соответствующие способности, установки участников и подавляются, со временем исчезают другие. Врожденные задатки (потенциалы способностей) разных индивидов отбираются через механизмы индивидуального и полового отбора. Внутригрупповые социальные порядки, соответствующие установки и способности их членов отбираются в межгрупповом отборе. Последний является механизмом отбора

между популяциями, разновидностями и видами¹.

Ступени эволюции языка и сознания

Представим последовательность выделенных ранее ступеней глоттогенеза [8, с. 40-44] и сопоставим им когнитивные способности как гипотетически сопутствовавшие.

- Рост числа дифференцированных синкретичных сигналов (звуки, жесты, мимика, позы), передаваемых в социальном обучении, сопутствовал развитию совместной интенциональности как способности группы долго удерживать внимание на одном предмете, ситуации, действии, что, вероятно, сопровождалось однотипными сигналами, которые дружно произносились всеми участниками.

- Холофразы – первые одиночные протофразы: умножение сигналов, которые нужно было отличать друг от друга, привело к различению протослогов (еще без различения фонем). Способность участников взаимодействия при удержании совместной интенциональности выполнять «по команде» различные действия по отношению к разным предметам, друг к другу (аналог поведения выдрессированных высших млекопитающих, но у гоминид с гораздо большим числом «команд» и в результате «самодрессуры»).

- Реактивные и ситуативные протофразы, фонемы, слоги: продолжавшееся умножение протослов, соединение их в цепочки, затруднявшее распознавание из-за невнятности протослов, приводило к попыткам артикулирования, к различению слогов через различение фонем; при этом расширялись возможности выделения новых слогов и складывания новых протослов из их склеек. Способность обозначать происходившие или планируемые динамические сцены с разными участниками, предметами, действиями.

¹ Не следует забывать, что в эпоху антропогенеза погибли все «боковые» виды гоминид с их популяциями и группами, а сохранился только один *Homo Sapiens*.

- Уводящие протофразы, которые указывали на происходившее в другом месте и времени. Способность совместно воображать отдаленные предметы и ситуации (пусть пока в смутных синкретичных образах), способность управлять чужим воображением своими высказываниями о таких предметах и ситуациях.

- Протоязык, включавший пиджин-предложения (со значащим порядком элементов) и полноценные слова (с надситуативными значениями и устойчивыми семантическими связями между собой). Способности выделять в отдаленных и воображаемых ситуациях смысловые элементы (субъект – действие – объект, субъект – атрибут и т.п.).

- Язык с простым синтаксисом и грамматикой. Способности выделять основные предметные и логические отношения (отношения родства, отношения владения, далеко – близко, раньше – позже, большой – маленький, часть – целое, причина – следствие и т.д.)

- Язык со сложными синтаксисом и грамматикой, риторическими украшениями, профессиональной терминологией. Способности легко соединять в мыслях, высказываниях разные предметы и отношения, переключать внимание между контекстами. Когнитивные способности известных охотников-собирателей типа австралийских и тасманийских аборигенов (еще не европеизированных) вполне могут служить аналогами.

Обоснование этой последовательности ступеней и основных причин, механизмов подъема на каждую ступень изложены в работе [8]. Теперь следует применить модель ритуально-символической детерминации психики [9], объяснить на основе ее концептов и постулатов появление характерных для человеческой психики когнитивных способностей и установок, в том числе произвольности, структуры «Я», волевых процессов.

Преодоление языкового Рубикона и появление *со-знания* о происходящем вокруг

Переход от дифференцированных сигналов (без фонем и слогов, с предельно общими, размытыми эмоциональными значениями) к членораздельной речи (с различимыми протословами, в том числе из двух и более слогов, с предметными, хоть еще ситуативными значениями) совершался через несколько ступеней. Согласно модели [8; 9], каждый подъем к следующей ступени трактуется как складывание обеспечивающей структуры (включающей новизну в звуковом поведении и когнитивных способностях) – результата фиксации успешных проб, отвечающих на новые вызовы и заботы. Соответственно, в полноценном объяснении должны быть указаны новые коммуникативные заботы, появившиеся при изменении социального порядка и техноприродной ниши. Представим предварительную версию последовательности таких шагов.

От дифференцированных сигналов, выражавших эмоцию, – к сигналам-командам как призывам к определенным действиям. Вообще говоря, выдрессированные собаки и цирковые животные различают и выполняют 1–2 десятка и даже более команд, поэтому первая ступень для самых ранних гоминид (австралопитеков?) не представляется слишком высокой. Разница же состоит в том, что своим питомцам голосовые команды отдают люди, приучают их к ним, собственно, дрессируют, тогда как гоминиды по каким-то причинам стали систематически заниматься самодрессурой.

Главным объяснением служит специфика природной ниши, в которой оказались группы гоминид, вытесненные климатом из джунглей в саванны [8, с. 77-80]. Широкие пространства, обилие опасных хищников, необходимость далеко ходить в разные места за разными источниками пропитания, – все это одновременно призывало к сплоченности, охране стоянок, особенно в ночное время, а также к необходимости разделяться в поисках пищи, делиться ей с оставшимися на стоянке матерями с малыми детьми [15].

Важнейшей групповой заботой также стало внутреннее умиротворение. Долгая, но неуклонная борьба эгалитарных коалиций с агрессивными альфа-самцами (*самоодомашнивание*) подтверждается известными морфологическими изменениями: явным уменьшением устрашающих клыков, мощных челюстей, особенно в период 7–1 млн. лет назад [8, с. 91-94]. Появлялись новые коммуникативные заботы координации действий (одним делать то, а другим – другое²), дружного выражения недовольства, коллективной угрозы для пресечения внутрigrуппового насилия, сообщений о разной пище и разных опасностях в разных местах.

Обеспечивающие структуры для этих забот складывались в двух сопряженных линиях.

- Росло число дифференцированных сигналов, которые приходилось по-разному произносить, чтобы окружающие могли их различать и распознавать [1].

- Появилась и стала все чаще использоваться совместная интенциональность – долгое сосредоточение внимания нескольких особей на одном объекте (действии, ситуации), дружное поведение в отношении которого стало связано с определенным узнаваемым сигналом и могло быть им вызвано [10]. Назовем эту первую ступень совместной интенциональности *со-знанием*.

Такое поведение происходило при обнаружении источника пищи, которую еще надо было защитить от конкурентов, собрать или расчленивать, донести до стоянки. Коллективные практики с использованием дифференцированных сигналов («команд») и *со-знания*, включали также отгон хищников (всевозможных гиен, шакалов и проч.), обустройство стоянки, поиск укрытия, прекращение драки, защита подвергшихся насилию, выражение неприятия агрессивному поведению, обучение детей разнообразным умениям [1; 15]. Не нужно гадать, какой именно тип ситуаций послужил первым толчком к появлению: появившийся поведенческий

паттерн с легкостью переносился на новые ситуации, укреплялся и усложнялся.

Собственно, все эти и подобные им практики одновременно были той самой систематической самодрессурой, формировавшей способность каждого члена группы включаться в определенные совместные действия в ответ на дифференцированные сигналы.

Как отличить *со-знание* гоминид от дружной охоты хищников – волков, гиен, тех же шимпанзе? Ведь хищники также сосредоточены на одной цели, издают схожие звуки, действуют слаженно, причем не только инстинктивно, но и благодаря полученному в онтогенезе социальному обучению (в разных стаях волков есть разные «культуры охоты»).

Качественный скачок произошел благодаря следующим явлениям:

- гоминиды совершали активные поисковые и конструктивные пробы при любом новом вызове, что сопровождалось звуками;
- благодаря своей большой способности к имитации гоминиды перенимали успешные пробы своих соплеменников; фиксировалась связь этих проб с определенными звуковыми сигналами через многократное дружное повторение; этот первый тип интерактивного ритуала назовем ритуалом находки и звуковой фиксации;
- при новых вызовах использовался тот же ритуал; появлялись новые поведенческие установки, сопряженные с новыми сигналами;
- соответственно росла дифференцированность; увеличивалось число поведенчески освоенных ситуаций, соответствующих известным группе различимых сигналов;
- со временем стало возможно в одной ситуации издавать разные сигналы, чтобы одни члены группы делали одно (например, отгоняли камнями конкурентов-падальщиков), а другие – другое (разделявали добычу); тем самым, сигналы превращались в дифференцированные ко-

других людей и только затем – на управление собственным поведением [3; 4].

² В подходе Выготского-Лурии потенциально богатой является мысль о том, что знаки как особые орудия направлены сначала на изменение поведения

манды, а это уже кардинальное отличие от способностей животных, даже самых организованных коллективных хищников.

Истоки нормативности и ее роль в происхождении базовых структур сознания

Становление совместной интенциональности с возможностями координированных действий по звуковой команде стало медленно, но неуклонно (начиная с австралопитеков) сдвигать баланс сил в каждой группе от агрессивных альфа-самцов к эгалитарным коалициям самок и более слабых самцов.

Борьба обострилась при освоении рубил – потенциально летального оружия в междуособных схватках. Коллективное забрасывание камнями, угроза такого забрасывания, отказ самок спариваться с агрессивными одиночками, которые становились изгоями, – все это вело к процессам самоодомашнивания [8, с. 84-94].

Новый порядок мирной жизни в группе подкреплялся нормативными ритуалами с ясными угрозами коллективного наказания за нарушение правил [8, с. 95-109]. Благодаря этим ритуалам складывались нормативные установки в психике каждого индивида. Победа над альфа-самцами была достигнута, скорее всего, на уровне эректусов (около 1,6 млн. лет назад) когда стали создаваться ашельские орудия, требовавшие большого умения и долгого труда. Никто уже не мог отобрать столь ценные орудия благодаря нормативности и защите со стороны группы [8, с. 89-105, 119-120].

При этом кардинальным образом менялся социальный порядок. Главный тренд состоял в переходе от диктата сильнейших и угроз индивидуального насилия к солидарности между относительно равными соплеменниками, которые были вынуждены теперь совместно отвечать на вызовы, принимать общие решения, координировать действия. Это означало, с одной стороны, радикальное умножение и усложнение коммуникативных забот. С другой стороны, благодаря способности обозначать новыми звуками найденные решения, эти заботы стали обеспечи-

ваться прогрессивной дифференциацией значений и соответствующей дифференциацией сигналов – трендом к членораздельности.

Тот же тренд неуклонно усиливался в связи с каждодневными заботами пропитания и рекрутинга – мобилизации к совместным действиям [1]. Поиск новых источников еды, их местонахождения, способов обнаружения, сбора или поражения, приготовления, – все это требовало новых обозначений. На эту экологическую заботу накладывалась социальная забота координации усложнявшегося поведения. Простейшая ситуация обозначена как конкуренция рекрутингов, когда разные индивиды призывают идти за добычей разной еды, или на другие стоянки, или за каменным сырьем, или за водой, или соорудить укрытие. Все это надо было как-то называть, делать предложения понятными для окружающих [8, с. 134-138].

Рассмотрим наиболее сложные вопросы раннего формирования таких уникальных человеческих структур как «воля» и «структура Я».

Нормы, нормативность и нормативные ритуалы изначально играли (и продолжают играть по сию пору) важнейшую роль для формирования воли – способностей индивидов к самопринуждению. Волевые процессы состоят в передаче управляющей роли одному комплексу нормативных установок и подавлении установок, связанных с базовыми потребностями [9]; причем сами нормативные установки и способности их актуализировать формируются в интерактивных ритуалах [8; 9]. Таким образом, появившиеся у ранних гоминид первые нормативные ритуалы с ясными угрозами коллективного наказания за междуособное насилие или отказ делиться добычей формировали первые нормативные установки, а значит волевые способности.

На основе модели ритуальной-символической детерминации [9] соответствующий механизм реконструируется таким образом. На начальных стадиях действовал перманентный социальный контроль. Микроритуалы одобрения и неодобрения вели к интериоризации внешних взаимодействий во внутренние психи-

ческие структуры – способности через самопринуждение поступать «правильно», даже не находясь под наблюдением.

Самая сложная тема – ранние стадии формирования «структуры Я». Подход включает, прежде всего концептуализацию этого феномена как сложного комплекса установок и способностей со сторонами «субъекта» (воспринимающей, решающей, действующей инстанции) и «опыта» в самом широком смысле.

Субъективный опыт как поле восприятия и поле внимания есть и у животных [2; 4; 10; 19]. Ясное противопоставление своего внутреннего «Я» (как субъекта) этому опыту – явно позднейшее, уже вполне человеческое достижение. Какой же могла быть первая стадия продвижения к нему?

Согласно принципу интериоризации, осознанию себя как желающего, воспринимающего, решающего, действующего предшествует учет таких же способностей у соплеменников. Вообще говоря, у высших приматов, особенно шимпанзе и бонобо отношения уже персонализированные: они хорошо помнят с кем дружат, с кем враждуют, даже кто сделал для них что-то хорошее (поделился, защитил) или плохое (отобрал, обидел, испугал). Антропоиды в ответ на сигнал вожака способны дружно переходить с места на место, начать играть, а шимпанзе еще коллективно охотятся на меньших обезьян [2; 4; 5; 11; 19]. Чего же у них нет, а у гоминид, вероятно, появилось?

Вспомним про дифференцированные команды-сигналы, совместную интенциональность и волевые способности. При обретении этих свойств гоминиды уже не все делали одно и то же простое действие, но каждая малая группа или даже каждый индивид – свое. Каждый обозначал это действие тем же звуковым сигналом, как и командой себе, но также следил за поведением окружающих – правильно ли они делают (социальный контроль, см. выше). Каждое нарушение в условиях совместной интенциональности (*со-знания*) попадало в центр внимания и приводило к дружному повтору сигнала, означавшего правильное действие или запрет

неподобающего: так происходил нормативный ритуал.

Нарушитель, на поведении которого было сфокусировано внимание окружающих, мог подчиниться или заупрямиться – это здесь не важно. Зато важно, что не только само его внешнее поведение, но и его ментальное состояние попадало в центр внимания: «слышит нас или нет?», «понимает, что кричим, или нет?», «почему не подчиняется?». Разумеется, таких слов (и вообще полноценных слов) еще не было. Но гоминиды уже учитывали связь между сигналом и действием у соплеменников, в их фокус внимания попадало подчинение других сигналу-команде или неподчинение.

Таким образом, внешнее отношение между воспринимающей, решающей инстанцией (другим индивидом, субъектом), явным звуковым сигналом и действием уже стало частью привычного опыта. Эта связка укреплялась с каждым новым нормативным ритуалом, а они были повседневными просто потому, что нормы, нормативные установки еще не укрепились, нарушения были частыми. Соответственно, практики групповой коррекции вполне индивидуального поведения могли быть повседневными.

Именно эта связка *инстанция – сигнал – действие* является самым правдоподобным источником формирования первой простейшей стадии развития структуры «Я». Посредством того же механизма интериоризации:

- инстанция становилась «Я»,
- сигнал (потом протослово, протофраза и т.д.) становился проговоренной вслух или «про себя» мыслью, решением,
- соединяющим это «Я» как внутреннего субъекта с собственным внешним действием или отказом от него.

Появление одной внутренней инстанции открывало дорогу для их умножения. Как группа или вожак требуют от индивида определенное поведение посредством указывавшего на норму сигнала, так появившееся через ту же интериоризацию внутреннее «сверх-Я» стало способно тем же сигналом требовать того же от «Я». Личную или безличную форму принимала эта новая требовательная инстанция, получала ли она свое

имья, сливалась ли с «Я» или противопоставлялась ему, – все эти вопросы относятся уже к последующим стадиям и предполагают широкое культурное разнообразие. Оставим эту тему и двинемся дальше.

Допустим, под действием многоуровневого отбора примерно к возникновению гейдельбергского человека (700–300 тыс. лет назад) указанные способности и установки сложились. Нормативность, практики взаимного контроля, умножение числа протослов приводили к новым вызовам. Как пожаловаться, если тебя обидели украдкой, но никто больше этого не видел? Как рассказать всем о своей ловкости и смелости или о вине, о провале, о трусости другого?

Неизбежно возникала групповая забота дистантного контроля за поведением «там и тогда». Обеспечивающие структуры для этой заботы вывели коммуникативные и когнитивные способности гейдельбергцев и их наиболее успешных потомков – протосапиенсов – на новый уровень развития.

Уводящие протофразы и управление воображением собеседника

Уверенное освоение огня и коллективное приготовление пищи (около 350 тыс. лет назад) делали более ритуальными и значительными совместные трапезы. Есть аргументы в пользу раннего установления очередности доступа к пище, ставшей прототипом очередности реплик [8, с. 173-184].

Когнитивные и коммуникативные достижения (сотни протослов, умения их сочетать в цепочках – протофразах), будучи ответом на внешние вызовы, сами приводили к изменениям в техноприродной нише и социальном порядке. Гоминиды стали эффективными охотниками, но охота – это всегда приключение, авантюра возможностями как удач с успешным проявлением ловкости, смелости, умений, так и неудач с травмами, случаями трусости и личных провалов.

Нужно было учитывать уроки, выражать благодарность героям-добытчикам, неудовольствие или презрение трусам и неумехам. Произошедшее за день было в памяти у собравшихся, однако обсуждение было затруднено.

Пригодилось говорить о том, на что нельзя было тут же указать.

Механизмы важнейшего для языка и сознания прорыва к перемещаемости [12] реконструированы в нескольких работах [13; 14; 16]. С учетом идей о воображении, «удваивающем опыт» [3, с. 14] эти результаты обобщены в концепции превращения реактивных и ситуативных протофраз в уводящие протофразы через ритуалы переименования и угадывания [8, с. 145-153].

Закономерное различие версий произошедшего приводило к складыванию особых ритуалов разбирательств, что предполагало новый уровень точности в обозначении лиц и их действий – «социального исчисления». Возникла новая коммуникативная забота не только обозначать участников прошлого происшествия, но и уточнять: кто что сделал.

Протофразы как цепочки протослов без порядка не давали такой возможности. Ударение и первая позиция субъекта действия в протофразе стали значащими маркерами. Так уводящие протофразы становились пиджин-предложениями (с порядком элементов, но еще без грамматики).

Именно тогда протослова стали превращаться в полноценные слова [8, с. 185-188]. Высвободившись от привязанности к ситуациям и получив вместо этого более общие и связанные между собой значения, объединенные в пиджин-предложения слова стали уже вполне эффективными средствами управления чужим, а затем и собственным воображением. Через внутренние словесные команды появилась и росла способность произвольного направления внимания на объекты, отсутствующие в зрительном поле, в непосредственной ситуации.

Высвобождение языка и сознания из привязанности к ситуациям «здесь и сейчас» привело к существенным преобразованиям в структуре «Я» и волевых способностях.

«Социальное исчисление» предполагает маркирование соплеменников индивидуальными именами. Каждый индивид в этом новом социальном порядке именованных окружающих неизбежно отождествляет себя с именем.

Не важно, говорит ли он о себе в третьем лице или употребляет местоимение. Гораздо более значимо, что восприятие себя отделилось от непосредственно воспринимаемого и продолжающегося опыта. Уводящими протофразами и пиджин-предложениями говорили об одном и том же индивиде в разных ситуациях. Через тот же механизм интериоризации структура «Я» обрела знакомое нам и кажущееся таким «естественным» сквозное существование в меняющихся ситуациях.

Волевые процессы, способности самоконтроля, всегда тесно связанные с нормативностью (см. выше), получили дальнейшее развитие, поскольку приспособлялись к новому социальному порядку с практиками дистантного контроля через ритуалы разбирательства [8, с. 171-178]. К внутренней нормативной установке прибавилось предвосхищение социальной реакции (уровень осознанности которого не столь важен): «что про мое действие скажут, одобряют или не одобряют».

Грамматика, синтаксис, переключение контекстов и произвольность

Следует признать, что пиджины весьма эффективны для взаимопонимания между представителями далеких друг от друга языков. Протоязыки гоминид, основу которых составляли пиджин-предложения с порядком слов, но без синтаксиса, четкого различения частей речи, соответствующей грамматике, также удовлетворяли основным коммуникативным заботам внутри каждой группы. Однако синтаксис и грамматика, пусть разных типов и разной степени сложности, есть во всех естественных языках. Почему, как и когда они появились? Благодаря каким новым коммуникативным заботам?

Сформулируем общий принцип: *пиджин-предложения передают смысл сообщений с достаточной точностью, только когда собеседники владеют общим контекстом относительно хорошо им известных конкретных ситуаций*. Так происходит на пограничных базарах. Внутри каждой группы с плотным повседневным общением ситуации повторяются, контекст

общий. В своей семье, общаясь по поводу повседневных дел, мы практически никогда не изыскиваемся правильными развернутыми предложениями, тем более с рекурсией, сложными оборотами.

Таким образом, забота существенного повышения точности высказываний должна была появиться между индивидами, лишенными общего контекста. В этой логике новые коммуникативные задачи появлялись у гоминид при общении между представителями разных групп, причем обсуждались предметы и ситуации вне хорошо знакомого сторонам общего контекста.

Соответствующее решение было найдено при учете климатических изменений в Южной и Восточной Африке в период примерно 250–100 тыс. лет назад, когда благодаря появлению больших стад парнокопытных в саваннах, прогрессу в орудиях и приемах охоты шел бурный демографический рост протосапиенсов. Изменения ландшафта обуславливали частые миграции, столкновения, межгрупповую борьбу за уголья.

В то же время происходили довольно дальние обмены, что свидетельствует об образовании межгрупповых альянсов [8, с. 202-209]. Действительно, для безопасности и выигрыша в конфликтах состоять в дружественном альянсе или коалиции всегда более выгодно, чем оставаться в изоляции. Однако альянс мог сложиться только благодаря общению – древнейшей дипломатии.

Темы переговоров требовали гораздо большей точности выражения мыслей, что и стали обеспечивать синтаксис с грамматикой, вероятно, поначалу довольно простые. Позже ранние сапиенсы, переселялись в Евразию, скорее всего не малыми уязвимыми группами, а готовыми к бою сплоченными альянсами, включавшими несколько групп с общим языком [8, с. 206-211].

Следующий этап относится уже к верхнему палеолиту, когда средние сапиенсы произвели настоящую технологическую революцию (множество изделий из кости, рыболовные снасти, иголки, скребла, микролиты, разнообразные составные и метательные орудия и т.д.) [20]. Добывать еду могли уже 2–3 индивида или даже отдельные охотники, рыболовы.

Переход к «новой экономике» в сохранявшейся структуре альянсов, построенной на основе брачной политики и систем родства, вел к сложным отношениям отложенных обязательств, что сопровождалось обсуждениями даров и отдаров, выполненными и невыполненными обещаниями, сплетнями [20; 8, с. 253-262]. Ритуалы, скреплявшие альянсы, включали переговоры и публичные речи, что и обусловило усложнение языковых структур, обретение риторических украшений.

С усложнением языка было тесно сопряжено развитие способностей сознания: учет разнообразных предметных, причинных, логических отношений, а самое главное – легкое переключение между контекстами [13; 16].

Вместе с этими способностями формировались базовые свойства структуры «Я»: свободное и произвольное помещение себя в самые разные вспоминаемые или воображаемые ситуации, способность рассуждать и размышлять о своих действиях, чувствах, мыслях (рефлексия, самосознание) как продукт интериоризации подобных рассуждений о других людях.

Усложнение волевых способностей было связано с усложнением социальных отношений, позиций, соответствующим умножением числа норм для позиций (родственных, дружеских, лидерских, властных). Каждый индивид обретал уже разные комплексы нормативных установок, связанных с определенными типами ситуаций и ролями в них. Способность к переключению между контекстами и помещению своего «Я» в разные позиции создавала потенциальные внутренние конфликты между нормативными установками притом, что базовые потребности никуда не делись, а надстроенные над ними заботы усложнились. Выросла индивидуализация черт (проявлений установок) и волевых способностей вследствие увеличения разнообразия отношений и типов ритуалов, в которых формировались личности индивидов.

Разумеется, проведенная теоретическая реконструкция механизмов глоттогенеза и ноогенеза имеет гипотетический статус. Каждое положение может и должно быть обосновано на основе общих эволюционных, социологических

и психологических принципов, а также с привлечением разнообразных косвенных данных. Именно для этих целей был разработан объяснительный подход, расширяющий номологическую схему К. Гемпеля [8, с. 44-47]. Но это уже перспектива дальнейших исследований.

Литература

1. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2012.
2. Вааль Ф. де. Последнее объятие Мамы. М.: Альпина Диджитал, 2019.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.
4. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Изд-во Педагогика Пресс, 1993.
5. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: Поведение. М.: Изд-во Мир. 1992.
6. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор / Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 119-658.
7. Ламсен Ч.Дж., Уилсон Э. Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. М.: Изд-во УРСС; Ленланд, 2017.
8. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Изд-во Манускрипт, 2022.
9. Розов Н.С. Модель ритуально-символической детерминации установок, способностей и забот // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. №1. С. 89-100.
10. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2011.
11. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2013.
12. Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. 1970. Вып. 5. С. 45-76.
13. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press. 2004.

14. Donald M.A. *Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness*. New York: Norton, 2001.
15. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (Eds.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014.
16. Gabora L., Smith C.M. Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution // *Journal of Anthropological Sciences*. 2018. V. 96. P. 1-26.
17. Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2017.
18. Richerson P.J., Boyd R. *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Univ. of Chicago Press, 2005.
19. Rumbaugh M.D. *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence*. Create Space, 2013.
20. Sterelny K. Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language // *Biological Theory*. 2016. 25 July. P. 173-186.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022

THE EVOLUTIONARY ACQUISITION OF LANGUAGE AND CONSCIOUSNESS THROUGH THE RENEWAL OF ORDERS, CONCERNS AND PRACTICES

© Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
nrozov@gmail.com

The model of socio-symbolic determination of the psyche is applied to explain the ascent of hominids and early sapiens through the stages of glottogenesis and noogenesis, i.e., the origin, early evolution of language and consciousness. Each rise is interpreted as the acquisition of specific speech and cognitive abilities as parts of practices that emerged to provide new concerns. Reconstruction is based on the model's concepts and postulates: "abilities from practices," "practices from challenges and concerns," "challenges and concerns from renewal of social orders and techno-natural niches," "renewal of orders and niches from practices provided by new abilities". At the level of ultramicro- (in "here and now" situations) these processes were realized through mechanisms of interactive rituals, interiorization, positive and negative reinforcement of attempts (behavioral selection). At higher levels other types of selection acted: individual, sexual, intergroup, and interspecies selection.

Keywords: speech abilities, cognitive abilities, glottogenesis, noogenesis, communicative concerns, interactive ritual, interiorization, attitude, consciousness, Self-structure, volition, social order, socio-natural niche

REFERENCES

1. Bickerton, D. (2012). *Jazyk Adama: kak ljudi sozdali jazyk, kak jazyk sozdal ljudej [Adam's language: how people created language, how language created people]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
2. Waal, F. de. (2019). *Poslednee ob'jatie Mamy [The Last Embrace of Mama]*. Moscow: Alpina Digital.
3. Vygotsky, L.S. (2005). *Psihologija razvitija cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Smysl; Eksmo. (In Russ.).
4. Vygotsky, L.S., Luria, A.R. (1993). *Etjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok*.

- [*Etudes on the history of behavior. The Primitive. The Child*]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
5. Goodall, J. (1992). *Shimpanze v prirode: Povedenie [Chimpanzees in Nature: Behavior]*. Moscow: Mir. (In Russ.).
  6. Darwin, Ch. (1953). *Proishozhdenie cheloveka i polovoj otbor [Origin of man and sexual selection]* In Darwin Ch. *Sochinenija. T. 5. [Works, vol. 5]*. Moscow: AN SSSR Publ. P. 119-658. (In Russ.).
  7. Lumsden, C.J., Wilson, E. (2017). *Prometeev ogon'. Razmyshlenija o proishozhdenii razuma [Promethean fire. Reflections on the origin of mind]*. Moscow: URSS; Lenland. (In Russ.).
  8. Rozov, N.S. (2022). *Proishozhdenie jazyka i soznaniya. Kak social'nye porjadki i komunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities]*. Novosibirsk: Manuscript. (In Russ.).
  9. Rozov, N.S. (2022). *Model ritualno-simvolicheskoy determinacii ustanovok, sposobnostey i zabor [The model of ritual-symbolic determination of attitudes, abilities, and concerns]*. *Uchenie zapiski Instituta psihologii RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]*. №1. P. 89-100.
  10. Tomasello, M. (2011). *Istoki chelovecheskogo obshhenija [The origins of human communication]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
  11. Fitch, W.T. (2013). *Jevoljucija jazyka [The evolution of language]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
  12. Hockett, Ch.F. (1970). *Problema jazykovyh universalij [The problem of linguistic universals]*. *Novoe v lingvistike [New in Linguistics]*, № 5. pp. 45-76. (In Russ.).
  13. Collins, R. (2004). *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
  14. Donald, M. (2001). *A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness*. New York: Norton.
  15. Dor, D., Knight, Chr., Lewis, J. (Eds.). (2014). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press.
  16. Gabora, L., Smith, C.M. (2018). *Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution*. *Journal of Anthropological Sciences*. V. 96. P. 1-26.
  17. Laland, K.N. (2017). *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
  18. Richerson, P.J., Boyd, R. (2005). *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Univ. of Chicago Press.
  19. Rumbaugh, M.D. (2013). *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence*. Create Space.
  20. Sterelny, K. (2016). *Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language*. *Biological Theory*, 25 July, P. 173-186.

The article was received 12.03.2022